

является прямой реакцией на энциклику от 1589 г. патриарха Константинопольского Иеремии, которая осуждала украинцев, чествующих на второй день Рождества *полог* (т. е. роды) Богородицы и приносящих в церковь «семидалион, муку печену»¹. Кстати, обычай подобного чествования родов Богородицы бытует на западе Украины и сегодня.

Тем самым древнерусское слово *хула* следует расценивать в рассмотренном эпизоде как гипертекстовую ссылку (выражаясь языком современных компьютерных технологий) на известное каноническое постановление церкви. В случае с Феодорцем это слово является семантико-аксиологическим пиком в лексическом сгущении летописной богородичной темы, позволяя на фоне всей совокупности фактов предположить, что концептом слова *хула* в летописании является факт уклонения самозванного владыки в известное в истории христианской церкви еретическое течение.

Проанализированное место не является, очевидно, каким-то исключением для древнерусского способа ведения полемики, а скорее представляет проявление закономерности. Именно в связи с подобным А.Г. Кузьмин замечает, что важную роль в исследовании содержания древнерусских текстов играет та запальчивость, с которой авторы проводят ту или иную идею – значит, обязательно существовала определенная идейная противоположность, которая до нас не дошла².

С.В. Панченко

ХАНТЫЙСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В 1924 г. А.А. Дунин-Горкавич в предисловии к «Предметному библиографическому указателю печатных трудов по Тобольскому Северу» писал: «Начиная с 70-х годов прошлого века, изучение Тобольского Севера производилось как специальными экспедициями, так и отдельными лицами, в результате чего накопился печатный и частью рукописный материал, более 100 отдельных работ, освещающий в большей или меньшей степени почти все отрасли жизни края...»³. Источниками нашего исследования послужили 210 печатных работ, опубликованных в 1870–1930 гг., а именно монографии и статьи, посвященные как Сибири в целом, так и описывающие отдельные районы проживания «остяков» (хантов) по всей территории рр. Оби, Иртыша и их притоков. Этнографические исследования, статьи, отчеты об экспедициях, очерки, путевые заметки, записки разных авторов в большинстве случаев основаны на богатом полевом материале и содержат иноязычную лексику. Лексемы, язык-источник которых не имел письменности до 1931 г., приводятся в русской графике и представляют интерес с точки зрения адаптации хантыйских по происхождению слов в русском языке посредством функционирования в письменных текстах.

По степени освоения в текстах все хантыйские географические термины можно разделить по нескольким критериям на иноязычные вкрапления и заимствования. Первые существуют в письменных источниках в виде списка слов (хантыйское слово – русский перевод или наоборот) вне контекста или в виде вставок в тексте, написанных в кавычках или без, иногда в скобках. Иноязычные вкрапления всегда переводятся и вводятся в текст с поясни-

¹ См.: *Mansikka V.I. Die Religion der Ostslaven...* S. 157.

² Кузьмин А.Г. «Мудрость бо велика есть...» // Златоструй. М., 1990. С. 8.

³ Дунин-Горкавич А.А. Предметный библиографический указатель печатных трудов по Тобольскому Северу [Предисловие] // Наш край. 1924. № 3. С. 36.

тельными словами, указывающими на иноязычную природу и сферу употребления лексемы. Например: «по-остяцки» [Григоровский 1884, 36; Теплоухов, 91, 111; Тобояков, 14], «у остяков ...называется» [Теплоухов, 89], «инородцы...называют» [ТС, 38], «в переводе на русский язык» [Плотников, 1]. Этот пласт лексики подвергается в источниках только фонетической переработке, что неизбежно при передаче хантыйских специфических фонем в русской графике. На других языковых уровнях иноязычные вкрапления не освоены, они всегда представлены в форме им. пад. ед. ч. Заимствования всегда включены в контекст, вводятся как в кавычках, так и без них. Скорее всего кавычки используются авторами для указания на локальность заимствования, на распространенность термина на указанной территории: «...на обширных луговых пространствах – “сорах”» [Куклин, 35]; «...в глубину какой-нибудь “саймы”» [Д-С 1916, 2]; «Конда ...тянется сотни верст, принимая в себя десятки “чумов”» [Пигнатти, 8]. Заимствования, как правило, не переводятся: «Еганы ретиво исполняют свою службу», «...весь народ в еганах» [Д-С 1916, 14, 10], «[Инородцы] неводят по пасолу» [ТС, 179], «Но вот чистый корь» [Д-С 1915а, 308], «население... занимается рыбными промыслами ... в ...урьях» [ТС, 72]. Однако некоторые авторы дают в сносках или прямо в тексте переводы-пояснения с целью более детального описания незнакомых для читателей реалий: «Типичный войтешный (луговой) сор» [Чаликов, 32]; «Весной ...ставят...в разливах (корах) сети» [ТС, 72]; «Речная рыба зимует и в... урьях (старица реки)» [Д-С 1926, 174]. Иногда в тексте есть прямое указание на освоенность термина: «...слово “сорь” заимствовано из остяцкого языка» [СТСВ 1899, 510]. Помимо фонетической адаптации заимствования освоены морфологически, семантически устойчивы, то есть сохраняют значения языка-источника, имеют широкую лексическую сочетаемость.

Тематически хантыйские географические термины, извлеченные из письменных источников, можно разделить на несколько лексико-семантических групп. Перед анализом отдельных лексических единиц необходимо отметить ряд общих моментов, касающихся подачи материала:

1. Графические варианты одного термина даны через запятую в точном соответствии с их написанием в источниках и в хронологическом порядке.
2. Все названия в разных семантических группах даны в алфавитном порядке.
3. Большинство терминов имеет географическую привязку. В случае ее отсутствия речь идет о хантах в целом. Термин без географической привязки указывается в последнюю очередь.
4. Для лексики, функционирующей в тексте как иноязычное вкрапление, после знака ~ приводятся наиболее соответствующие с точки зрения диалектной принадлежности хантыйские формы. Для указания на заимствование принят знак <. Соответствия из других диалектов приводятся по необходимости после пометы «ср.».

Названия, связанные с водными объектами

а) Названия рек, проток, ручьев и их составляющие

Ёганъ, еганъ, ёгонъ, юганъ, ега: 1. Вах¹. «Река, большой приток ёганъ» [РОСС, 4]; 2. Вас. «Река ёгонъ» [Павлов, 126]; «река юганъ», «Название Чижалки – по остяцки: “Вень-ёгон”» [Плотников, 65, 192]. 3. Наз. «Река ега» [Лопарев 1997, 237]; «Юганъ речка» [ТС 217]; «...у остяков с устья Назыма река называется не “еган”, а “ега”» [Теплоухов, 1924, 89]. 4. Обд. «...юганъ – река...» [Подревский, 74; Шухов 1914, 13]. 5. «Юган или Еган по-остяцки река» [Теплоухов, 91] ~ вах., вас. *jəxəŋ*, дем. *-jəxəŋ*, низ., шер., обд. *jəxəŋ*, каз., сын. *jəxəŋ* – ‘река’; ирт., низ, шер. *jəxə* – ‘речка’ [DEWOS, 3, 321]. 6. Вах. «Еганы ретиво

¹ Здесь и далее указана обобщенная географическая привязка исходя из данных, приводимых автором источника.

исполняют свою службу...», «...весь народ в еганах» [Д-С 1916, 14, 10]. 7. Тоб. «Еганъ – речка» [ТС, 54] < вах. *jəχəŋ*; дем. *jəχəŋ*, низ., шер., обд. *jəχəŋ* – ‘река’ [DEWOS, 3, 321].

Игаль: Вах. «малый приток – игаль» [РОСС, 4] ~ вах. *jixəl* – ‘маленькая, короткая и узкая речка, ручеек’ [DEWOS, 3, 321]

Лор: 1. Вах. «Сорь [русское. – С.П.] ларъ» [РОСС, 5]. 2. Бер. «...на берегу материчного сора (лор)» [Якобий, 15]. 3. «лоръ – сор» [Егоров, 8] ~ см. сор.

Муга: Вах. «Протока муга» [РОСС, 4] ~ вах. *muxət* – ‘протока’ [DEWOS, 8, 916].

Оу: «оу течение» [Егоров, 3] ~ наиболее близкие хантыйские формы: дем., цин., низ., шер., каз., сын. *ōw*. Ср.: юг. *aw*, дем. *āw*, кам., кр., обд. *āw*; вах., вас. *oχ*, варт. *əχ*, ликр., м.-юг., тр.-юг. *āχ* ‘течение реки’ [DEWOS, 1, 28].

Послль, пасоль: 1. Сам. «Протока послль» [Лопарев 1997, 237] ~ ср. кам., кр., цин. *pāst*, низ. *pōs/* – ‘протока’ [DEWOS, 9, 1229]. 2. Сур. «Инородцы ...рыбу промышляют ... на протоке “Ай-пасоль”», «... неводят по пасолу...» [ТС, 179]. 3. Тоб. «Пасоль – протока» [ТС, 56] < м.-юг., тр.-юг., юг. *pāsl*; ср. кам., кр., цин. *pāst*, низ. *pōs/* – ‘протока’ [DEWOS, 9, 1229].

Сев, сяв: Вах. 1. «Ручей севъ». 2. «Исток сяв» [РОСС, 4] ~ вах.-вас. *sāw* – ‘исток, (маленький) ручей между озером и рекой или между двумя озерами (вас.); истекающий из реки (вах.)’ [DEWOS, 11, 1354], ‘ручей, являющийся протоком между озерами или реками’ [СВХД, 417].

Соим, *сайма: 1. Сам. «Горный логъ соимъ» [Лопарев 1997, 243] ~ ирт. *sojəm* – ‘ручей’, ср. дем. ‘ложбина в песчаной отмели’ [DEWOS, 10, 1298]. 2. Вах. «...в глубину какой-нибудь “саймы”»* забирается он. ...*Буерак с бегущим в глубине ручьем» [Д-С 1915б, 2] < вах. *sajəm* – ‘ручей; ...низина, лощина’ [DEWOS, 10, 1928], ‘лог, овраг, ложбина’ [СВХД, 411]. 3. Каз. «...мельчайшие речкообразные заливы Оби (соим)» [Новицкий, 4]; «Соим (затопленный тальвег) у с. Полноватского» [Чаликов, 32] < каз. *səjəm* – ‘ручей’ [DEWOS 10, 1298].

Сор: 1. Вас. «... сор (...низкие луга, затопляемые весенним разливом)» [Григоровский 1882, 41]; «[остяки] в аренду сдавали свои пески, соры» [Орлова, 71]. 2. Сал. «Устье Салыма ...далее расширялось в “сор”» [Городков 1913, 6]. 3. Сур. «...на обширных луговых пространствах – “сорах”» [Куклин, 35]. 4. Тоб. «обширные поемы, поймы, род залива, более или менее постоянного; если вода и застаивается вовсе на сору, то он не зовется озером, потому что связан проливами с рекою, и всегда стоит в уровень с нею» [Даль, 4, 276]. «С течением времени река все более удаляется от своей прежней старицы, соединяющие их каналы все более суживаются и заиливаются и наконец сообщение с рекой ограничивается только небольшим периодом весеннего половодья. Подобные озера-старичи носят в нижнем бассейне Иртыша и в бассейне Оби название сор*.*Последнее слово произошло вероятно от остяцкого слова “торъ”, которое означает озеро, а также площадь суши, временно покрытую водой» [Патканов 1891, 14]; «Сор – на севере так называют низины в речной долине, заливаемые весною водой, полуозера, полулуга. Нередко сором зовут постоянное озеро, разлив реки... и вообще низменный луг» [Маляревский, 28]. 5. Дем. «Мы проехали через несколько соров...Под этим именем, на севере Тоб. губернии, подразумевают озера с весьма высокими берегами. Реже это слово, как здесь, употребляется как синоним выражений “озеро”, “пруд”, независимо от свойства их берегов» [Патканов 1894, 6]. 6. Кон. «...тор, по-русски “соръ”, означает на севере Тоб. губ. плоские озера, а также низменные места по берегам рек, которые весной затопляются, а летом служат лугами» [Патканов 1892, 93]; «Кон-

¹ Здесь и далее под звездочкой дана восстановленная форма им. пад. ед. числа, отсутствующая в тексте автора.

да...образует большое число соров (мелководных проточных озер)» [Городков 1912, 4]. 7. Сам. «сорь – залитое водопольем травянистое пространство, где промышляют рыбу» [Лопарев 1894, 130]; «Сорь торь» [Лопарев 1997, 237]. 8. Каз. «По пути пересекли ряд болот, соров (обширных пойм)» [Шухов 1915, 103]. 9. Войкар, Сыня. «Сора представляют огромные... соединенные с рекой мелководные озера. Точнее говоря, это котловины, наполненные весенней водой, уходящей из них с убылью» [Тобояков, 20]. 10. Обд. «Сорь – озеро после водополья» [Бартенев 1894, 129], «Сор – это озеро, остающееся после спада воды. Сор то сливается с Обью, то остается отделенным от нее» [Бартенев 1896, 117]. 11. «“соры” – отлогие места на берегу с заходящей во время разлива водой» [Головачев, 270]. < вах., обд. *lar*, вас. *jar*, м.-юг., тр.-юг., ю. *lär*, ирт. *tor*, низ., шер. *tör*, каз. *lor*, сын. *lor* – ‘сор, заливной луг, низкий берег (особенно луговой), который затопляется весной, озеро, образовавшееся от половодья’ [DEWOS, 7, 795]; сал. *tor* – ‘низкий прибрежный луг, затопляемый во время разлива рек’ [СВХД, 196]. По мнению Патканова, «слово “сорь” заимствовано из остяцкого языка, но русское слово сохранило более древнюю остяцкую форму. Действительно, нынешнее остяцкое выражение для этого понятия есть: *торь*, причем, так как в южном наречии *т* (*ш*) в начале (и конце) слов во многих случаях произошло из *с*, первоначальная форма этого слова должна быть сор» [СТСВ, 510]. Фасмер возводил рус. диал. *сор* к предполагаемой хантыйской форме **sor* [Фасмер, 3, 720]. Отметим, что ни в одном словаре хантыйского языка форма *sor* не засвидетельствована. Кальман вслед за Альквистом считает русское слово заимствованным «из одного из средних говоров (юг., тр.-юг., казым.) хант. языка, где употребляется фрикативный *л*» [РЗО, 263]. На наш взгляд, еще в 1740 г. Миллер дал простое и убедительное объяснение. По Миллеру, хант. каз. *lor* «является словом, которым они называют мелкие озера и разливы вод, и так как начальная буква *l* выговаривается очень шепеляво, то отсюда возникло русское сор» [Миллер, 252]. Для сравнения интересна характеристика Бартенева: «Есть у них [остяков] ... такой свистяще-плавный звук, который никаким сочетанием русских звуков не может быть выражен вполне точно (всего ближе к *хсл*)» [Бартенев 1894, 128]. Штайниц, однако, считает невероятным изменение щелевого *л* в русское *с*, так как «соответствие хант. *л* / больше нигде не встречается, во всех случаях хант. *л* / передается русским *л*» [DEWOS, 7, 796–797].

Тав-лох: д. Белогорье (Наз.) «Жили они на краю горы, против тав-лох (заводи)» [Лопарев 1924, 16] ~ ср. кам., кр. (древнее слово) *tāw*, низ., шер. *taw* – ‘заводь’. Ср. кр. *tāw-bōχä* – ‘олова», водоворот’ [DEWOS, 6, 736].

Урей: 1. Вах. «Крещение ...происходило ...на урь (старица)» [Д-С 1916, 1]; «Речная рыба зимует и в... урьях (старица реки)», «...урей сообщается с рекою» [Д-С 1926, 174]. 2. Аган. «... население ...занимается рыбными промыслами на песках, в курьях и урьях» [ТС, 72]. 3. Тоб. «Урей – ручей» [ТС, 57]. < вах., вас. *urj*; ирт., низ., шер. *urä* – ‘старица, превратившееся в озеро старое речное русло’ [DEWOS, 2, 163]; аг. *uri* – ‘старица, старое русло реки’ [СВХД, 503].

Чум: Конда. «Конда... тянется сотни верст, принимая в себя десятки “чумов”». *Чумь – безымянный приток» [Пигнатти, 8] < кр. *čum* – ‘ручей, короткий ручей, ручеек’ [DEWOS, 3, 272].

б) Названия озер

Мужи: с. Мужы (шурыш.). «Мужы по-остяцки означает озеро или вообще болотистое место» [Тобояков, 14] ~ каз., шурыш. *müši* – ‘глубокая яма, остающаяся от весенних паводковых разливов, которая сохраняет воду и зимой’ [DEWOS, 8, 892].

Туу, тух: 1. Вах. «Озеро тухъ» [РОСС, 4] ~ вах.-вас. *tōg* – ‘небольшое озеро’ [DEWOS, 12, 1406], ‘небольшое озеро, расположенное в лесистой местности’ [СВХД, 473].

2. «туу озеро» [Егоров, 5] ~ наиболее близко соответствующие хантыйские формы: юг., кош. *tōw*, ирт. (кроме кош.) *təw*, низ., шер., сын. *tūw*, обд. *tuw*. Ср. вах.-вас. *tōg*, тр.-юг., м.-юг. *tōg* 'небольшое озеро' [DEWOS, 12, 1406].

Эмтерь, энтерь: 1. Вах. «Озеро ... энтерь» [РОСС, 4] 2. Вас. «Эмтерь по-остяцки собственно значит озеро» [Григоровский 1884, 36]. ~ вах.-вас. *emtər* – 'большое озеро' [DEWOS, 2, 107], 'большое озеро, расположенное среди болот или в тайге' [СВХД, 49].

в) Названия болот

Каль: Наз. «Каль чистое болото» [ТС, 217] ~ ср. дем., кам., кр., цин. *kā/ə*, каз. *kaɫ* – 'чистое болото' [DEWOS, 6, 627].

Кор: 1. Вах. «Тихо в лесу, не шелохнет. Но вот – чистый корь, по которому вьется-гуляет ветер» [Д-С 1915а, 308]. 2. Аган. «Весной, в половодье, ставят ... в разливах (корах) сети» [ТС, 72] < вах.-вас. *kqr* – 'чистое, не заросшее, топкое болото, льва' [DEWOS, 5, 338], *kor* – вах. 'сильно увлажненный край болота, где растет лишь мелкая трава'; аг. 'чистое, безлесое болото, поросшее травой и ягодником' [СВХД, 183].

Куй: 1. Вах. «Болото, тундра куй» [РОСС, 6]. 2. Вас. «Болото куй» [Павлов, 126] ~ вах.-вас. *kōj* – 'болото' [DEWOS, 3, 597], *kūj* – то же [СВХД, 126].

Нарымь, нерымь, неромь: 1. Вас. «В переводе на русский язык – "Нерымь" или "Нарымь" значит болото, болотная страна» [Плотников, 1]. 2. Б. и М. Юган. «Болота ... – лесные; по ним возможен проход летом. Инородцы такие болота называют "неромь"» [ТС, 138]. 3. «Нером – по-остяцки болото» [Теплоухов, 111] ~ вах.-вас. *ńərəm*, м.-юг., тр.-юг., юг. *ńorəm*, ирт., низ., шер. *ńurəm*, каз. *ńorəm* – 'болото' [DEWOS, 9, 1078], вас. 'болото в лесу', юг. 'болото', тр.-юг. 'болото, заросшее мелким сосняком' [СВХД, 315].

г) Названия лугов

*Войт, *воет: 1. Каз. «Типичный войтешный (луговой) сор» [Чаликов, 32]. 2. Тоб. губ. «Поемные луга... : низменные или не имеющие стока для воды (... "воета")» [Волости, 113] < в.-дем. *uǰət*, кр., чесн. *ǰjət*, кам. *ǰjət*, сог., цинг. *uǰət*, сог. *uǰət*, низ., шер. *uǰət*, каз. *wojət*, обд. *oǰət* – 'луг, покос' [DEWOS, 1, 25].

Сорь-ларь: Вах. «Луг сорь-ларь» [РОСС, 5] ~ см. *сор*. Возможны два толкования этого термина: это одно сложное слово – 'соровый (озерный) луг', где первая часть – русское заимствованное слово *сор* в роли определения, а второе – хантыйское, или это два отдельных слова со значением 'луг', приводимые автором в сопоставительных целях как русский и хантыйский варианты.

Названия, характеризующие рельеф и другие особенности местности

Пеля: Вас. «гора пеля» [Плотников, 65] ~ вас. *peľä* – 'урманный яр... гора' [DEWOS, 9, 1148–1149], 'увал; холм' [СВХД, 357].

Пугорь, погырь: 1. Сам. «Остров погырь» [Лопарев 1997, 244]. 2. Сер. (Ляпин) «...пугорь значит остров» [Подревский 1895, 39] ~ ирт. *poǰər*; ср. Бер. (Альквист) *pōgor*, *pūgor*, сын. *puǰər*, каз. *poǰər* – 'остров' [DEWOS, 9, 1128].

Руа: «руа обрыв» [Егоров, 8] ~ судя по русской форме передачи хантыйских гласных, это название относится к северной группе диалектов: низ., шер., каз., сын. *rūwa*, обд. *ruwā*, Бер. (Альквист) *rua*, *ruai* – низ., каз., обд. 'яр, обрыв реки', шер., Бер. 'крутой берег реки'

[DEWOS, 10, 1291]. Ср. вас. *rew*, аг., тр.-юг., юг., сал. *rap* – ‘гора; яр; крутой подъем’ [СВХД, 402].

Унтъ, вонтъ: 1. Вах. «Материк вонтъ» [РОСС, 5] 2. Сам. «Гора унтъ» [Лопарев 1997, 243] ~ вах. *wont*, ирт., низ., шер. *unt* – ‘урман, лес’. Ср. тр.-юг. *wōnt* – ‘материк’, сог. (см. ирт.) – ‘гора’ [DEWOS, 13, 1600].

Чугась: 1. Сал. «... встречаются два так называемые чугаса высотой до 20 сажень» [Шульц, 5]; «Чугас у салымских остояков называется выступ берега» [Теплоухов, 90]. 2. Цин. «... присутствие в некоторых местах левого берега [Иртыша. – С.П.] значительных холмов высотой в 15–30 саж... Они на местном языке имеют особое название чугась (от остяцкого слова тюгесь)» [Патканов 1891, 16]. 3. Тоб. округ «Чугась – одинокий холм среди низменности... Это слово заимствовано, вероятно, с остяцкого, Ирт. нар.: тюгесь» [СТСВ, 516] < *tuges* – ‘холм (так называются в области нижнего Иртыша изолированно стоящие высокие холмы, которые представляют собой остатки бывшего правого крутого берега’ [DEWOS, 12, 1507].

Помимо однословных географических терминов, среди которых есть как иноязычные вкрапления, так и заимствования, в русских письменных источниках встретились хантыйские словосочетания, с помощью которых описательным путем характеризуются различные географические объекты:

Ем пай: пос. Емын-горт, р. М. Сосьва. «Гость должен послать монету и в этот “святой лес” (“ем пай”))» [Эристов, 17] ~ ср. каз. *jem* – ‘табу, табуированное; ... святость (одно святое место)’, *jeməŋ*, Бер. (Альквист) *jemiŋ* – ‘святой’ [DEWOS, 3, 371–372], каз. *raj* – ‘куча; стог; холм; маленький лес’, Бер. (Альквист) *rai* – ‘куча’ [DEWOS, 9, 1102]. «Святой лес».

Емынг тага-ит: Обд. «У остояков есть священные озера (емынг тага-ит), по которым женщинам нельзя ездить и воду из них нельзя пить всем вообще» [Бартенев 1895–1896, 12] ~ обд. *jeməŋ* – ‘святой’ [DEWOS, 3, 372], *tāxa* – ‘место’ [DEWOS 12, 1408], *it* – ‘вещь, предмет, объект’ [DEWOS, 2, 205]. Букв. «Святое место – объект» или «Святое место».

Торомъ-понамъ: ю. Айвошъ (Войкаръ). «На берегу Малой Оби у самых юрт поднимается высокий, сажени 2–3, холм (торомъ-понамъ – божий клочок земли)» [Скалозубов, 10] ~ обд. *torəm* – ‘бог’ [DEWOS, 13, 1472], *raŋəm* – причастие прошедшего времени, образованное с помощью суффикса *-əm* от глагола *raŋ-* – ‘положить, класть’ [DEWOS, 9, 1169]. Букв. «Богом положенное».

Пыдывешъ: Наз. «Пыдывешъ черный яръ» [ТС, 217] ~ ср. кош. *rawtə*, низ., шер. *pixtə*, каз., сын. *piti*, Бер. *pita*, *piti* – ‘черный’ [DEWOS, 10, 1135], кош., кр. *wenc*, низ., шер. *wes̄*, каз. *wes̄*, Бер. *ves̄*, *venš* – ‘лицо’ [DEWOS, 13, 1596]. Букв. «Черное лицо». Отметим, что два последних названия метафоричны.

Ям-тага: «...остяки называют тундру... “ям-тага”, что означает... “хорошее место”» [Патканов 1905, 20] ~ ср. вах., вас., сург., ирт. *jəm*, низ., шер., каз., сын. *jām*, обд. *jim* – ‘добрый, хороший’ [DEWOS, 3, 367], вах., вас. *tāxi*, сург. *taxi*, тр.-юг. *tāxi*, низ., шер. *tāxi*, каз. *tāxi*, сын., обд. *tāxa* – ‘место’ [DEWOS, 12, 1408]. «Хорошее место».

Коротко характеризуя основные особенности освоения хантыйских географических терминов в русских письменных источниках, можно отметить следующее:

1. В структурном отношении и графической передаче термины представляют собой одно слово. Только в названии *пыдывешъ* не сохранено членение на лексемы. В других словосочетаниях, описывающих географические объекты, компоненты пишутся или раздельно, или через дефис (см. выше).

2. Функционируя в русских источниках, иноязычные вкрапления и заимствования осваиваются фонетически. Например, при передаче хантыйских согласных фонем на письме существуют определенные закономерности (для слов с точными фонетическими соответствиями в хантыйских диалектах). В интервокальном положении глухие согласные озвончаются, что отражено в текстах: вас. *jəχəŋ* – ёганъ, обд. *jōχan* – юганъ, шурыш. *tiŋi* – мужи, ирт. *poχər* – погырь, *tāya* – тага. Конечный *ŋ* переходит в *в* или в *у*: вах. *sāw* – севъ, низ., шер., сын. *tiw*, обд. *tiw* – туу, низ., шер., каз., сын. *ōw* – оу.

3. Заимствованные географические термины освоены на морфологическом уровне. Это проявляется в оформлении рода существительных, согласовании их с прилагательными и появлении русских падежных флексий единственного числа: им. пад. – *еганъ*, чистый *кор*, *соим*, священный *сор*, *чугас*, *чум*, *урей*; род. пад. – *егана*, *сора*, *чугаса*, какой-нибудь *саймы*; дат.пад. – *по пасолу*, *к чуму*; тв.пад. – *сором*, *чугасом*; пред. пад. – *на урье*, *в сору*. Во множественном числе отмечены разные окончания для слов мужского рода и варианты флексий у одного слова в разных письменных источниках: *еганы*, *воета*, *чугаса*, *сора/соры* (оба варианта одинаково частотны).

4. Широко распространенные заимствования, зафиксированные в источниках, семантически освоены в большей степени, чем локальные, о чем свидетельствуют вторичные образования от них и круг контекстных партнеров: *войт* – «Типичный войтешный...сор» [Чаликов, 32]; *сор* – «Соровой – прил. от соръ» [СТСВ, 510], «соровая...вода» [Тоболяков, 22], «соровую гриву» [Д-С 1916, 11], «соровые места» [Григоровский 1882, 389], «соровый мыс» [Пигнатти, 7], «соровая речка» [Плотников, 195], «Соровые юрты» [Патканов 1894, 23].

Л.В. Доровских

ЛЕКСИКА ХРОНИКИ ВЕНГЕРСКОГО АНОНИМА

Древнейшая из сохранившихся венгерских хроник *Gesta Hungarorum* является анонимным сочинением на латинском языке, созданным на рубеже XII–XIII вв.

Автор хроники, указавший только первую букву своего имени – P. *magister*, называет себя секретарем (*notarius*) венгерского короля Белы. В XI–XIII вв. в Венгрии правили четыре короля с этим именем. Предполагают, что *magister* P. мог быть секретарем Белы II (1131–1141) или Белы III (1173–1196) (последнее полагается более вероятным)¹. Поэтому считается, что хроника была составлена на рубеже XII–XIII вв. (сохранился кодекс конца XIII – начала XIV в.). Источниками для Анонима послужили утраченная летопись XI в., устные предания и западноевропейские письменные источники².

Собственно историческому повествованию предпослано вступление, в котором автор говорит о причинах, побудивших его написать свое сочинение.

Здесь мы узнаем, что *magister* P. некогда был *in scolari studio* вместе с некой особой N., которую Аноним называет *suus dilectissimus amicus* и *vir venerabilis* (2). Во время учения P. переложил троянскую историю по сочинениям Дарета Фригийца и других авторов (*in unum uolumen proprio stilo compilaui*); прочитав эту компиляцию, N. предложил, а точнее, если

¹ См.: Эрдели И. Извлечения из Хроники венгерского Анонима // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1967. Вып. 7. С. 173, 180; а также предисловие к книге: P. *Magister quondam Bele regis Hungarie notarius. Gesta Hungarorum*. Ed. L. Juhász. Budapest, 1932. С. IV, VI. В дальнейшем все ссылки на текст хроники даются по этому изданию.

² См. об этом: Эрдели И. Указ. раб. С. 173.